

III. РЕЦЕНЗИИ

В.П. Андреев

ЗЕЛЯК В.Г. «ПЯТЬ МЕТАЛЛОВ ДАЛЬСТРОЯ: ИСТОРИЯ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ в 30–50-х гг. XX в.». Магадан: Кордис, 2004. 283 с.

Книга молодого магаданского историка В.Г. Зеляка посвящена проблеме, сравнительно недавно ставшей открытой. Изучение истории золотопромышленности Советского Союза явно не поощрялось, культ секретности деформировал все то, что было связано с этим и другими валютными металлами в советское время. Золотопромышленность как самостоятельная отрасль горнодобывающего комплекса не фигурировала в официальной статистической информации. Разумеется, не могла получить адекватного освещения и тема подневольного труда в экономике страны времен сталинизма. 1991 г. не сразу стал рубежом, откровением в освещении избранной темы.

Вопрос о месте золота в экономической истории России – исключительно злободневная тема. Сам статус золота выходит далеко за рамки отечественной хозяйственной системы. События последних месяцев, связанные с мировым экономическим кризисом, наглядно показали, что золото ни на йоту не утратило своих резервных функций, оставаясь важным видом залоговых и кредитных операций, сохранило своё место в системе средств страхования от инфляции. При этом приходится констатировать, что современная Россия утратила лидирующие позиции по объёмам золотодобычи, которые она имела в XX в., занимая теперь лишь 7-е место в мире. Потенциальные возможности наращивания добычи золота, других благородных металлов в Российской Федерации имеются в том числе и на Колыме, которая сегодня переживает далеко не лучшие времена.

Не подлежит сомнению актуальность и научная значимость монографии В.Г. Зеляка, она состоит из Введения, трёх глав и Заключения. Выбор темы достаточно обоснован, можно согласиться с формулировкой цели и задач исследования. Содержание основной части монографии структурировано по хронологии, а избранный принцип изложения обеспечил раскрытие основных вопросов темы. Оценки и выводы в достаточной мере аргументированы, вытекают из анализа широкого круга источников, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Это законодательные и нормативные акты, решения партийно-государственных органов страны, делопроизводственная документация Дальстроя, архивные документы двух центральных и Магаданского областного архивов, материалы периодической печати, статистические справочники. Широко использовалась публицистика, специализированная литература по геологии, экономической географии, демографии.

Конкретные условия форсированной индустриализации, необходимость оплаты за импортную технику и технологию предопределили образование

Дальстроя, в ноябре 1931 г. как хозяйственной организации особого типа с прямым подчинением СТО СССР, ЦК ВКП (б) и лично И.В. Сталину. Для обеспечения этого треста рабочей силой в апреле 1932 г. был создан Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь НКВД. Ссылаясь на мнение уже известного специалиста по данной проблеме А.И. Широкова, уточним, что Дальстрой с самого начала не являлся структурным подразделением ГУЛАГа, был таким же главком как ГУЛАГ, не входя в его структуры. Публицисты, а вслед за ними и некоторые историки, не учитывают это важное обстоятельство.

История Дальстроя в монографии предстаёт достаточно полной и ёмкой, чётко выделены её основные периоды. На большом фактическом материале показано начало хозяйственного освоения несметных богатств Северо-Востока страны. Первый период характеризовался постепенной кристаллизацией структуры горной промышленности. Она стала главным звеном производственной инфраструктуры. Основной объём горных и горно-подготовительных работ проводился преимущественно вручную, а основной рабочей силой были заключенные, удельный вес которых в эти годы превышал 90% от общего количества работающих. В 1940 г. Дальстроем был достигнут максимум золотодобычи – 80 т химически чистого золота, удельный вес золота Дальстроя составил 46,3% от общесоюзной золотодобычи. Колыма уверенно вошла в число крупнейших золотодобывающих районов мира. Во второй половине 1930-х гг. горнодобывающая промышленность преодолела монометаллическую специализацию, наряду с добычей золота развернулась добыча олова – металла, в котором остро нуждалось народное хозяйство СССР. Геологопоисковые и геологоразведочные работы 1930-х гг. заложили основу развития горнодобывающей промышленности практически на все последующие периоды существования Дальстроя.

Автор убедительно показал, что в течение второго, или военного, периода основными направлениями развития горной промышленности Дальстроя оставались золото- и оловодобыча. В условиях военного времени снабжение Дальстроя с «материка» ресурсами и материалами существенно сократилось, трест в значительной мере перешёл на самоснабжение. Отмечается роль поставок по ленд-лизу. В сложнейших условиях войны Дальстрой в среднем ежегодно добывал до 70 т золота и более 3 тыс. т оловянного концентрата, началась разработка рудных месторождений золота, а также вольфрама. Наметились изменения в технической оснащённости приисков и рудников. На россыпных месторождениях обрабатывались преимущественно самые богатые участки, что впоследствии привело к серьёзным производственным проблемам, малоэффективные прииски, рудники и разведки закрывались. За счёт привлечения бывших заключённых к работе по вольному найму повысился удельный вес вольнонаемных работников (с 3,4% в 1940 г. до 46,3% в 1944 г.). Вполне обоснован вывод о решающем вкладе Дальстроя в золотодобычу в СССР.

Автор пишет о том, какой ценой это было достигнуто – деспотическим презрением к человеческой жизни, «золото любой ценой!» «Режим содержания, условия труда и быта заключённых на объектах горнодобывающей

промышленности были чрезвычайно суровыми, что приводило к повышенной заболеваемости и смертности», – пишет автор. Ныне, из воспоминаний бывших эков, рассказов Варлама Шаламова, мы хорошо себя представляем нечеловеческий ужас Колымы! Между тем длительное время история Колымы была историей манипуляций с памятью, идеологически неугодные или психологически тяжелые страницы были изъяты из исторической памяти или официально забыты.

В книге В.Г. Зеляка много действующих лиц – первооткрыватели колымского золота, геологи-изыскатели, первостроители порта Нагаево и Магадана, должностные лица Северо-Восточного ИТЛ и Дальстроя, заключённые и немногочисленная категория вольнонаёмных работников. Чаще всего это простое перечисление имён, что не углубляет раскрытие темы. Опираясь на имеющиеся в его распоряжении источники, автор мог полнее раскрыть влияние личностного фактора на ход событий. Более других повезло руководителям Дальстроя, делается попытка раскрыть их личные качества, определённую эволюцию воззрений, сложность и трагизм ситуации, в которых им пришлось работать. В большей степени это относится к первому начальнику Дальстроя Э.П. Берзину.

Значительное место в монографии уделено характеристике заключительного периода функционирования Дальстроя. В результате хищнической эксплуатации предшествующих лет, отставания фронта геологоразведочных работ основные месторождения Северо-Востока стремительно истощались. Попытка на рубеже 1950-х гг. возродить старательскую золотодобычу как альтернативу массовому использованию труда заключённых имела кратковременный успех. В больших объёмах стала использоваться отечественная и импортная горная техника. Определённый эффект дало использование на золотоносных россыпях драг, объёмы дражной золотодобычи, несмотря на значительные трудности, связанные с вечной мерзлотой, ежегодно увеличивались, в 1956 г. они превысили 10 % всего золота Дальстроя. В меньшей мере в монографии уделяется внимание развитию других отраслей горнодобывающей промышленности Дальстроя. Отмечается, что с 1947 г. началась добыча кобальта, в 1948 г. возобновилась добыча вольфрама, в промышленных масштабах началась добыча урана. В 1952 г. был достигнут максимум добычи олова (5,3 тыс. т).

Интересны сюжеты, повествующие о добыче урана. Отмечается вклад геологов – первооткрывателей месторождений урановой руды – И.И. Бронникова, Н.И. Карпенко, А.С. Монякаина, И.Е. и О.Е. Рождественских, И.В. Романова и др. Среди них и репрессированный профессор Томского университета И.К. Баженов. Заинтересованность властей в реализации уранового проекта, в создании ядерного оружия обусловила особый статус рудников по добыче урана. Автор приводит свидетельства бывших заключённых урановых объектов, которые вспоминали, что питание у них было очень хорошим, включало мясные консервы, масло, овощи, впервые многие из заключённых пробовали крабов, шпроты. Американские консервы, хлеб выдавался без меры. Режим содержания был существенно облегчен, на окнах барраков не было решёток. Заключённым регулярно платили зарплату, обеспе-

чивали сравнительно хорошие бытовые условия. Такие послабления объяснялись, прежде всего, острой необходимостью бесперебойной добычи урана, а также тем, что урановые работы курировались работниками госбезопасности, в то время как сам Дальстрой находился в ведении МВД. Автор отмечает, что о соблюдении правил технической безопасности в уранодобывающей отрасли никто особо не думал, как и о радиоактивном заражении занятых в этой отрасли. Объёмы добычи урана последовательно росли, за 1952–1954 гг. в Дальстрое было добыто 112,9 т концентрата урана, а учтённые запасы урана в стране на 1954 г. составляли 343 т.

Некоторые выводы монографии вызывают возражение, среди них и категорическое утверждение, что в связи с массовой амнистией заключённых после смерти И.В. Сталина горная промышленность Дальстроя вошла в период затяжного структурного кризиса, осложнявшегося истощением месторождений. Негативные явления в большей или меньшей степени имели место во всех отраслях горнодобывающего комплекса страны в целом, а структурный кризис был характерен для всей советской экономики послевоенного времени. Видимо, нарастание проблем Дальстроя в рассматриваемый период необходимо рассматривать в контексте кризиса сталинской модели хозяйственного развития. Дело не только в том, что «переход Дальстроя к преимущественному использованию труда вольнонаемных работников серьёзно осложнялся слаборазвитой социальной инфраструктурой, что являлось главной причиной значительной текучести кадров». «Вольнонаёмные работники Дальстроя, вследствие крайней неразвитости социальной сферы находились в дискомфортных жилищно-бытовых условиях, что предопределило текучесть кадров и постоянную нехватку квалифицированных специалистов» (С. 27, 271). Слаборазвитость социальной инфраструктуры была характерна для всех районов нового индустриального строительства и для территорий с более благоприятными природно-климатическими условиями. Огромные средства страна была вынуждена тратить на восстановление экономики и социальной сферы западных районов, пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Отдельный вопрос об исключительно высокой текучести рабочей силы, что было связано не только с жилищно-бытовыми условиями. Отметим резко возросшую миграционную активность населения послесталинского периода, но эта тема требует специального изучения.

Отсутствие какой-либо социальной инфраструктуры долгое время не считалось серьёзным препятствием к быстрейшему вводу в эксплуатацию новых промышленных объектов. Так было не только на Колыме, но и в других новоиндустриальных районах в 1930-е гг. и последующие периоды советской экономической истории. Выделялись новостройки приоритетного финансирования и обеспечения, «города-витрины социализма». Такими были микрорайоны Сталинградского, Челябинского тракторных и Горьковского автомобильного заводов, Уралмаша, Магнитки, Сталинска (Новокузнецк). Модель промышленного освоения Северо-Востока, по мнению автора, основывалась на первоочередном развёртывании добычи золота и других металлов, сооружении промышленных объектов, строительстве дорог, энергетических сис-

тем осваиваемого района, а развитию социально-бытовой сферы в данной схеме уделялось второстепенное значение.

Отмечаются крайне негативные экологические последствия хозяйственной деятельности Дальстроя: переработка десятков миллионов кубических метров горной породы, эксплуатация крупных россыпных месторождений золота, которые находились преимущественно в долинах рек, нанесли значительный ущерб экологии Северо-Востока России. В результате широкомаштабных работ по добыче металлов более всего пострадали экосистемы долин рек Чай-Урья, Ат-Урях, Хатыннах, Омчак и другие, поскольку именно там находились самые крупные и богатые россыпи золота. Для строительных работ и отопления были вырублены значительные лесные массивы, последствия этого ощущаются и сегодня.

Автор дает заявку на проведение будущих научных исследований, делая вывод о том, что сформировавшаяся модель развития региона не подверглась сколько-нибудь значительной корректировке в последующие десятилетия. Односторонняя, сырьевая направленность развития региона обнаружила свою ущербность достаточно быстро, а в постсоветское время привела к крайне неблагоприятным социально-экономическим последствиям. Нынешняя демократическая власть не имеет сколько-нибудь внятной программы развития Северо-Востока России. Мои личные впечатления от поездок и командировок на берега Тихого океана сводятся к тому, что нынешняя власть ещё и не решила, нужен ли ей Дальний Восток!

Признавая важность дальнейшей разработки проблемы, отметим, что рецензируемая монография по содержанию конкретно-исторического материала является исключительно полезной не только для учёных-историков и экономистов, но и для широкого круга читателей, всех тех, кто интересуется проблемами экономической истории XX в. и истории репрессивной политики. И конечно, для всех тех, кто интересуется историей российского Дальнего Востока, который может стать для современной России воротами в бурно развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. Уже сейчас иные области и края Дальнего Востока экономически больше связаны с сопредельными странами, нежели с Сибирью, не говоря уже о Европейской России.